

С МАДЛЕН РОБЕНСОН В САРТРОВСКОМ АДУ

Актеров, которых зрители видели 18 октября, в вечер их тбилисского дебюта в театре имени Руставели, объединяет одно имя — Мадлен Робенсон, да еще совместное турне по городам Советского Союза: Москва, Ленинград, Тбилиси, Ереван. А впереди — Иран, Ливан, Италия. Как и большинство французских актеров, в Париже они играют в разных театрах, по договору на ту или иную роль. Отсюда — несколько парадоксальное положение: спектакли, состоящего из двух одноактных пьес Жана-Поля Сартра и Жюль Ренара, в том виде и в том исполнении, в каком он предстал перед нами, парикане не видели.

«При закрытых дверях» — одна из наиболее острых и проблемных пьес во всей драматургии Сартра, в блестящей, лаконичной форме резюмирующая некоторые ключевые, глубинные аспекты его философской мысли. Жан-Поль Сартр — один из тех «неудобных», озадачивающих писателей, произведения которых либо возмущают, либо вызывают самое горячее восхищение, если не то и другое вместе.

Если не считать коридорного, которого играет Жак Салан, в пьесе — три действующих лица: Инэс, Эстель и Гарсен. Впрочем, обычные слова «действующие лица» к ним не очень-то применимы, ведь все трое — покойники. Да и гостиничный номер, обставленный в стиле ампира и за закрытыми дверями которого все еще разгораются земные страсти, не что иное, как современный вариант ада. Ясно, что ни у одного из троих постояльцев совесть не чиста: публицист Гарсен изводит свою жену, кроме того, он в чем-то сильно виноват перед своим другом Гемесом; сажившая на почте Инэс замешана в историю, окончившейся тремя смертями: ее самой, ее мужа и некоей белокурой Флоранс; наконец, прикидывавшаяся вначале невинной, Эстель, которая при жизни вращалась в состоятельных кругах, признается в убийстве новорожденного. Вывернувшим свое существование наизнанку Инэс, Гарсену и Эстель неминуемо вечно оставаться взаперти, друг у друга на виду. Эстель пытается убить Инэс, подвернувшись под руку ножом для разрезания книг. В ответ Инэс только хохочет: ведь это уже сделано, все они — мертвы. А Гарсен в безысходном отчаянии произносит ставшую известной фразу: «Ад — это другие». Но когда, наконец, дверь в коридор открывается, Гарсен, как и обе женщины, предпочитает остаться в этом аду, с «другими». Каждый из них, по словам Инэс, палач для двух других. Пьеса не имеет конца. В последней реплике Гарсен говорит: «Ну что ж, продолжим».

В замкнутом, отвратительном и буднично пепролазном сартровском аду актерам предоставлена возможность превратиться в одну из трех, по-разному мечущихся, одиноких, изнемогающих и бессильных человеческих теней: Мишель Лемуан в роли Гарсена говорит, движется, пытается действовать без особой убежденности, парализуемой бесстрастным и безжалостным присутствием Мадлен Робенсон в роли Инэс. Даниэль Лебрэн, играющая Эстель, проходит вместе со своим персонажем все круги ада: вначале кокетливая и чувственная, она предстает под конец эгоистичной и аморальной. Следующим, повидимому, замыслу режиссера Франсуа Дарбона и развивая заложенное в самой пьесе начало, актеры прочитали «При закрытых дверях» в тусклом свете будничности трагического, несколько снизив, может быть, трагизм будничного.

В «Домашнем хлебе» Жюль Ренара накал страстей намного и парочито слабее. Это — элегическая и шутилая сарказма о людях, ра-

вучившихся, либо уставших любить.

Поздно вечером встречаются в гостиной Марта и Пьер и разговор (в который раз!) заходит о любви. Марта замужем и Пьер женат. Обе супружеские пары проводят лето под одной крышей. Но, натуры более прозаические, муж Марты и жена Пьера уже спят, а им самим не дает покоя их романтическая настроенность. Пьер — примерный, любящий и верный муж, так же как Марта — примерная, любящая и верная жена. Беда в том, замечает Пьер, что семейная любовь стала чем-то привычным, а чувство, которое он питает к жене, более похоже на привязанность брата к сестре. С другой стороны, мужу Марты не придет в голову похвалить новый паряд жены или лишней раз восхититься ее умом. И вот, сам не веря в свой порыв, Пьер предлагает Марте вместе бежать из дому, любить друг друга яркой, настоящей любовью. Бежать, но куда? — спрашивает Марта. Хотя на край света, — браврирует Пьер. И тогда Марта прощически замечает: «На край света — это слишком туманно». Не проще ли — в Марсель? Если любовного пыла Пьера хватит на двенадцатичасовой переезд до Марселя, то вряд ли он продержится намного дольше. И прозревшие романтики благоراضно возвращаются к «домашнему хлебу».

Мадлен Робенсон и Мишель Лемуан, ведущие этот диалог, передают интонацией, жестом, паузой, движением губ его мельчайшие нюансы.

Мы ничего не сказали о костюмах и декорациях, принадлежащих художнику Жаку Марилье. В пьесе Сартра декорация сводится к трем канаве (соответственно вишневого, голубого и зеленого цвета), входной двери и бронзовой статуэтке. Костюмы выхвачены из толпы, и лишь платье Эстель — под стать ее потусторонней кокетливости. В «Домашнем хлебе» и декорации, и, особенно, костюмы — красивее, лиричнее, мягче: иная эпоха.

Как у сартровской пьесы, у «Домашнего хлеба» нет конца, четкой финальной черты. Сама игра актеров, под руководством чуткой и умеренной в расхождении сценических эффектов Мадлен Робенсон, настраивает на долгое и сосредоточенное собеседование. Поэтому, вопреки всему, после того, как занавес опустился, внутренне не верилось, что спектакль окончен. Во всяком случае, встречи с труппой Мадлен Робенсон еще только начались и, оптимистически перефразируя Гарсена, можно было бы добавить, что они с интересом продолжатся.

Г. БУАЧИДЗЕ.